

Господину М. А.

Друг мой, прежде чем принять серьезное решение, к которому вы меня побуждаете, хочу с полной откровенностью рассказать вам о своей жизни и о себе. Мой рассказ будет долгим, точным, подробным, иногда наивным. Я просила у вас разрешения побыть три месяца в одиночестве, чтобы обрести внутреннюю свободу, упорядочить воспоминания и обратиться еще раз к своей совести. Позвольте мне не принимать решения, не высказывать мнения по поводу сделанного вами предложения, пока вы не прочтете этот рассказ.

Люсьена

30 июня 1805 года мадам де Валанжи ехала в своей старой деревенской карете. Это странное сооружение напоминало одновременно коляску, дилижанс и ландо, но тем не менее не являлось ни тем, ни другим, ни третьим. Это был причудливый экипаж, который провинциальные фабриканты изобрели *для удовлетворения прихоти покупателей* во времена Директории¹, эпохи перемен, колебаний и всевозможных капризов. Поскольку карета была тяжелой и крепкой, она все еще была пригодна к использованию, а мадам де Валанжи не собиралась менять свои привычки. Ей удалось избежать гроз Революции², сидя в своем замке Белломбр, затерянном в горном ущелье Прованса; при этом она по мере сил скрывала свое состояние, довольно небольшое, и принципы — довольно умеренные. Это была чудесная женщина, может, говоря литературным языком,

¹ Директория (1795—1799) — французское правительство по Конституции 1795—1799 гг., в котором власть принадлежала пяти директорам. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Речь идет о французской революции 1789 года.

и не слишком высококультурная, но мягкая, сердечная, преданная; интуиция никогда ее не подводила. Не она сдала Тулон англичанам¹, не она желала победы иноземцам. И не она взяла Тулон обратно и от всей души желала победы Республике или Империи².

— Я уже стара, — говорила мадам де Валанжи, — и просто хочу жить спокойно; а еще я женщина — и никому не могу желать зла.

Итак, эта прекрасная женщина спокойно ехала в своей карете; рядом с ней сидела крепкая провансальская крестьянка, держа на руках здоровенького младенца — внуку мадам де Валанжи, мадемуазель Люсьену, десяти месяцев от роду. Девочка, которую перевезли в Прованс, родилась в Англии: ее отец, маркиз де Валанжи, женился в эмиграции на ирландке из хорошей семьи. Английский климат оказался губительным для двух их первенцев, умерших в младенчестве. Вот почему почти сразу же после рождения Люсьену доверили французской кормилице и заботам бабушки, которая приехала за малышкой в Дувр и вот уже три месяца благополучно воспитывала ее под южным солнцем. Девочка, хоть и была эмигранткой по рождению и по положению отца, не нарушила своим возвращением покоя Франции, но ей странным образом суждено было поколебать покой собственной семьи.

Дорога поднималась все дальше в гору. Стояла душная жара. Низкая открытая карета двигалась очень

¹ Тулон был сдан англичанам в августе 1793 года.

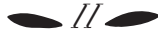
² Имеется в виду Первая империя — период правления императора Наполеона Первого (1804—1814 и 1815).

медленно; пара старых лошадей тащилась еле-еле, не подгоняемая кучером, крепко спавшим на козлах. Кормилица, увидев, что мадам де Валанжи тоже задремала, прикрыла белой муслиновой шалью Люсьену, спокойно заснувшую раньше всех; вероятно, служанка решила как следует охранять это маленькое сокровище. Но было так жарко, а карета ехала так медленно, что, когда она поднялась на вершину холма, лошади сами пошли рысью, почуяв приятные запахи своей конюшни, и все проснулись. Кучер хлестнул лошадей, чтобы выказать усердие, мадам де Валанжи устремила спокойный доброжелательный взгляд на шаль, укрывавшую ее внучку; однако кормилица, почувствовав, что под шалью ничего нет, что нет ничего у нее на руках и на коленях, с испуганным видом выпрямилась, лишившись от страха голоса. Ее глаза блуждали. Она была ни жива, ни мертва и чуть с ума не сошла от страха. Ребенок исчез.

Кормилица даже не вскрикнула — она не могла вымолвить ни слова. Служанка бросилась на дорогу и рухнула без чувств. Кучер остановил лошадей и, смутно догадываясь, что ребенок, вероятно, выскользнул из рук кормилицы и упал на дорогу, не стал дожидаться приказа растерянной хозяйки и как можно скорее повернул назад. Разочарованные лошади бежали не очень резво. Бедняга кучер сломал кнут об их спины, но не смог ускорить события. Старая дама, вообразив, что способна бежать, выскочила из кареты; кучер, колотя лошадей кнутовищем, обогнал ее. Кормилица, с трудом придя в себя, из последних сил поплелась вслед за мадам де Валанжи. На пыльной дороге не было ни одного

прохожего. Не было видно ни единого следа — ветер, всегда сильный в этой местности, давно уже их развеял. Несколько крестьян, работавших неподалеку, прибежали на женский крик и, причитая, бросились на поиски. Больше всех усердствовал кучер, который боялся увидеть ребенка в колее, раздавленного колесами, и рыдал, как добросердечный человек, ругаясь при этом, как язычник.

Однако что ж? Ничего — ни раздавленного ребенка, ни какого-нибудь обломка кареты, ни тряпочки, ни капли крови — ни единого следа, ни единой подсказки на пустынной и немой дороге! В этой местности много больших мельниц и старинных монастырских построек, стоящих на расстоянии двух-трех лье друг от друга, вдоль бурного течения Дарденны. Кучер звал на помощь, колотил себя в грудь, расспрашивал всех, пытаясь выяснить, в каком именно месте он уснул. Никто не смог ответить на его вопрос — настолько все привыкли к тому, что он спит на козлах! Никто из встреченных по дороге людей не заметил, был ли в карете ребенок. Никаких, абсолютно никаких следов. Через несколько часов была поднята на ноги вся округа, от замка Белломбр до хутора Реве, где останавливалась карета мадам де Валанжи и где люди видели девочку у груди кормилицы. Стражи порядка откликнулись не очень скоро, но и они сделали все возможное: обыскали жилища немногочисленных обитателей долины, осмотрели все ямы, все овраги, арестовали несколько бродяг, расспросили всех, кого было можно... Прошел день, потом неделя, месяц, год, но никто по-прежнему не мог хотя бы предположить, что же случилось с маленькой Люсьеной.

Кормилица впала в состояние буйного помешательства, и ее пришлось держать взаперти. Старый кучер, который страдал от горя и уязвленного самолюбия, стал искать утешения или, точнее, забвения в вине. Однажды вечером, когда Дарденна вышла из берегов, он утонул вместе со своей лошадей. Говорят, маркиз де Валанжи скрывал, сколько мог, от своей жены это мрачное и таинственное происшествие. Узнав же наконец обо всем, она умерла от горя. Маркиз стал мрачным, раздражительным, несправедливым; он поклялся, что его кости не будут похоронены на его неблагодарной зловещей родине. Несмотря на мольбы мадам де Валанжи, он отказался хлопотать о том, чтобы ему позволили вернуться во Францию. Маркиз заявлял, что больше никого и ничего не любит. Он не мог простить матери то, что она не уберегла его единственное дитя. Старой мадам де Валанжи пришлось в одиночестве бороться со страшными ударами судьбы, обрушившимися на ее дом. Она стала чрезвычайно набожной, делала пожертвования и молилась во всех церквях в округе, продолжая надеяться, что чудо вернет ей ее бедную дорогую девочку.

Прошло четыре года. Настал 1809 год. Мадам де Валанжи исполнилось семьдесят лет. Однажды утром к ней подошла бледная женщина, покинувшая приют. Это была Дениза, кормилица, оправившаяся от умственного расстройства, но постаревшая раньше времени и настолько ослабевшая после лечения, что ее едва можно было узнать.

— Сударыня, — сказала она, — мой покровитель, святой Дионисий, трижды являлся мне во снах. Трижды он приказывал мне пойти и сказать вам, что мадемуазель Люсьена вернется. И вот я здесь. Врачи уже давно говорят, что я выздоровела. Однако эти господа, которые ни во что не верят, предупредили меня, что мой разум всегда будет слабым. Поэтому дважды я не прислушалась к голосу своего святого покровителя, но на третий раз не решилась его послушаться. Думайте об этом что хотите, но я считаю, что выполнила свой долг.

Появление Денизы сначала испугало старушку, но, заметив ее смирение, искренность и кротость, мадам де Валанжи успокоилась. К тому же видения кормилицы подтверждали ее неясные сны и упрямые надежды. Мадам де Валанжи столько молилась, столько раздавала милостыни, столько раз участвовала в церковных процессиях, столько заплатила за службы, что ей нельзя было сомневаться в милости Божией. Галлюцинации Денизы она приняла за откровения; старушке хотелось знать, в каком виде являлся кормилице ее святой покровитель, сколько ему лет на вид, как он был одет, какие слова произнес. Дениза была наивной женщиной; ей не хватало воображения. Она не хотела, да и не могла что-либо придумать. Она увидела человека, которого приняла за своего покровителя, услышала слова, сулившие возвращение ребенка, а больше ничего не знала.

Мадам де Валанжи попросила своего врача и своего кюре осмотреть и расспросить Денизу. Врач сказал, что рассудок кормилицы в порядке. Кюре заявил, что душа Денизы чиста и все, что она говорит, правда. Из этого старушка заключила, что видение было настоящим,

а обещание подлинным. Она оставила Денизу у себя и возобновила поиски внучки, как будто та пропала совсем недавно.

Это необъяснимое происшествие когда-то наделало в наших краях много шума, но о нем постепенно забыли, и вдруг прошел слух, что внучка мадам де Валанжи нашлась — так же таинственно, как когда-то пропала. Друзья, родственники, зеваки прибежали, чтобы убедиться в этом; они подозревали, что их обманывают, и тем не менее согласны были быть обманутыми. Дениза встречала всех весьма восторженно; она громко восклицала о чуде и сердилась, если кто-то отказывался в него верить. Однако мадам де Валанжи была настроена иначе. Она заявила, что в помощи Провидения нет ничего сверхъестественного и ее дорогую малышку, живую и здоровую, вернули добрые люди, которые ее нашли. Людям хотелось взглянуть на девочку, но мадам де Валанжи не стала ее показывать, заявив, что малышка очень устала после путешествия и взволнована непривычной обстановкой, и в конце концов все разошлись. Одни были уверены, что мадам де Валанжи говорит правду, другие — что у нее есть причины, для того чтобы распустить этот ни на чем не основанный слух.

Лишь двум самым близким друзьям семьи, врачу и адвокату, позволено было на мгновение увидеть Люсьену. Вот что рассказала им мадам де Валанжи.

Одна особа, имя которой старушка не назвала и даже не уточнила, какого она пола, попросила мадам де Валанжи спуститься в *Зеленый зал* — место в парке, расположенное в овраге ниже замка. Там ее заставили поклясться, что она не произнесет ни единого слова,

которое могло бы вывести на след виновных. На этих условиях ей пообещали вернуть внучку и предъявить доказательства того, что это действительно Люсьена. Мадам де Валанжи поклялась на Евангелии. После этого ей рассказали нечто такое, после чего у старушки не осталось ни малейшего сомнения в том, что речь действительно идет о ее внучке. Следующей ночью на то же самое место под названием Зеленый зал привели девочку, не пожелав принять какое-либо вознаграждение за то, что заботились о ней четыре года, а также за путешествие, которое пришлось совершить, чтобы доставить малышку сюда. Вот почему никому не следовало задавать мадам де Валанжи ненужных вопросов, а также надеяться на то, что она когда-нибудь нарушит свою клятву. Кроме того, старушка заявила, что, поскольку ее внучка говорит сейчас на иностранном языке, по которому можно догадаться о месте, где она жила, Люсьена выйдет на люди, только когда забудет его.

Адвокат, господин Бартез, сказал мадам де Валанжи, что предосторожности, которые ее заставили соблюдать, могут стать серьезным препятствием в будущем, когда придется оформлять документы девочки, разве что можно будет предоставить неопровержимые доказательства ее личности.

— Я предъявлю эти доказательства, — ответила мадам де Валанжи. — Я располагаю достаточным их количеством, чтобы не иметь ни в чем сомнений. Те же доказательства, которые может потребовать закон, появятся в нужное время и в нужном месте. Я разрешаю говорить вам, что вы видели мою внучку, и прошу добавлять, что я в здравом уме и не приписываю ее возвращение чуду,

что меня не обманывают и не используют в своих целях, наконец, что я *знаю*: это действительно Люсьена, и докажу это со временем. Люди должны понять: я не могу и не хочу раскрывать секрет невинной особы, которая дорожит виновными и не желает выдавать их правосудию.

III

Вот все, что мне известно об обстоятельствах, сопровождавших мое вторичное появление в этом мире, ведь тем снова найденным ребенком была я. Теперь я стану говорить от своего имени и попытаюсь воспроизвести свои самые ранние воспоминания.

Наиболее отчетливое из них — это белое платье, вероятно, первое, которое я надела, и шляпка с розовыми лентами и цветами, венчавшая мои вьющиеся волосы. Вид этой одежды вскружил мне голову, но сейчас я не могу сказать, где это происходило, кроме того, что это было под открытым небом теплой лунной ночью. На меня надели пальтецо и отнесли меня в ущелье. Мне кажется, что нес меня мужчина, и я знаю, что рядом со мной шла женщина; я называла ее мамой, а она меня — дочкой.

Дальше перед моими глазами все плывет. Кажется, меня забрали и увели две другие, незнакомые мне женщины, и, несмотря на мои крики, отчаяние и сопротивление, мать, которую я звала, не пришла мне на помощь. Полагаю, это было моим первым горем, и думаю, что оно было ужасным, ибо до сих пор не могу определить ни продолжительности, ни обстоятельств этого происшествия. Мне кажется, что я умерла на время, хоть мне и говорили, что я даже не была больна; однако

я считаю, что в моей душе что-то погибло и мои чувства и мысли как бы замерли. Итак, то, что я поведаю вам об этом первом периоде, известно мне с чужих слов, и я могу сослаться лишь на них.

Бабушка и кормилица — меня вернули именно им — несколько недель не могли добиться от меня ни одного слова по-французски. Этот язык был мне непривычен, хоть меня и учили ему немного, поскольку я его понимала, а легкость, с которой я вновь овладела им, когда прошла моя тоска, доказывала, что я слышала его почти так же часто, как и другой язык или диалект, которым предпочитала пользоваться вначале. Считалось, что это всего лишь мой каприз; даже гораздо позже я упрямо не желала отвечать ни слова многочисленным посетителям, которые приходили полюбоваться на меня, как на диковинку; как правило, это были моряки или путешественники, и они задавали мне вопросы на всех известных языках. После того как стало понятно, что такая докучливость лишь увеличивает мое сопротивление, меня оставили в покое, и бабушка приняла мудрое решение: больше не баловать меня лаской и не предупреждать все мои желания.

Однажды, когда меня повели гулять в Зеленый зал, я, видимо вспомнив о своей матери, снова подняла крик. После этого случая меня очень долго туда не водили. Мне позволяли играть в одиночестве в террасном саду, под наблюдением бабушки, которая вышивала, сидя в гостиной на первом этаже и притворяясь, будто вовсе на меня не смотрит. Бедняжка Дениза, которая обожала меня и которую я терпеть не могла, молча приносила мне сладости и оставляла их на ступеньках сада или на краю альпийской горки, внизу которой протекал ручеек. Я ничего

не хотела брать из рук кормилицы и, прежде чем схватить лакомства, убеждалась в том, что на меня никто не смотрит. Я ни с кем не здоровалась, никого не благодарила. Я пряталась, чтобы поиграть со своей куклой, которая вызывала у меня восхищение, это я прекрасно помню; но как только кто-нибудь глядел на меня, я клала ее на землю, поворачивалась лицом к стене и стояла неподвижно, пока докучный наблюдатель не удалялся. Теперь я смутно догадываюсь, что вела себя столь грубо, потому что страдала. Может быть, мою душу терзали упреки, которых я не умела высказать? Вероятно, особенно меня ранило предательство той, кого я про себя называла матерью; возможно, я даже жаловалась на это: мне сказали, что иногда я говорила сама с собой на языке, которого никто не понимал.

— Если бы не это, — призналась мне позже кормилица, — мы бы подумали, что вы немая.

Возможно также, что я дичилась бабушки, наряд и прическа которой казались мне невиданным зрелищем. Прежде я, должно быть, росла в бедности, потому что роскошь, которая меня окружала, вызывала у меня изумление, смешанное со страхом.

Кажется, всех очень беспокоила моя угрюмость, которая длилась дольше, чем можно было бы ожидать от ребенка моего возраста. Кажется также, что переход от ожесточения к более благодушному настроению происходил довольно медленно. И вот наконец в один прекрасный день меня, которой дали столько тепла и уделили столько терпения, сочли очаровательной. Не могу сказать с уверенностью, сколько мне тогда было лет, но к тому времени я совершенно забыла иностранный язык,